

Ж. М. Кучукова

Образ революции
в идеологических течениях
предреволюционной
России

2019

Ж. М. Кучукова

**Образ революции в
идеологических течениях
предреволюционной России**

«Атанор»

2019

Кучукова Ж. М.

Образ революции в идеологических течениях предреволюционной России / Ж. М. Кучукова — «Атанор», 2019

ISBN 978-5-6041981-9-3

Монография представляет собой вариант интерпретации социального содержания и жизненного смысла феномена революционного переустройства социумного бытия. Автор исследует трансформацию образа революции через призму различных идеологических течений. Идея и образ революции рассматриваются в контексте развития идеологических концептов основных политических сил России в предреволюционные годы. В работе рассмотрены основные подходы к пониманию революционности в политических процессах и идеологических кампаниях начала XX века. Определены особенности религиозной интерпретации революционности, выявлены изменения, которые претерпели к сегодняшнему дню традиционные представления о революции. Определено наличие тенденций превращения образа революции в свою противоположность, в способ эволюционного развития социума.

ISBN 978-5-6041981-9-3

© Кучукова Ж. М., 2019

© Атанор, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1. Феномен революции: социальный и жизненный смысл, роль и функции	8
Глава 2. Образ революции в идеологии либерализма предреволюционной России	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ж. М. Кучукова
Образ революции в идеологических
течениях предреволюционной России

© Кучукова Ж. М., 2019

© Верстка, дизайн обложки. ИП Баистракова Т. В., 2019

Рецензенты: А. А. Дадашев, доктор философских наук, профессор; Р. Х. Кочесоков, доктор философских наук, профессор.

Монография представляет собой вариант интерпретации социального содержания и жизненного смысла феномена революционного переустройства социумного бытия. Автор исследует трансформацию образа революции через призму различных идеологических течений. Идея и образ революции рассматриваются в контексте развития идеологических концептов основных политических сил России в предреволюционные годы. В работе рассмотрены основные подходы к пониманию революционности в политических процессах и идеологических кампаниях начала XX века. Определены особенности религиозной интерпретации революционности, выявлены изменения, которые претерпели к сегодняшнему дню традиционные представления о революции. Определено наличие тенденций превращения образа революции в свою противоположность, в способ эволюционного развития социума.

2019 г.

Введение

Динамизм социальной реальности – один из важнейших феноменов начала XXI века. Проявляется и крайнее обострение борьбы «воль к власти» на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни. Разнообразные по характеру и масштабу социальные трансформации привели к переосмыслению многих концептуальных подходов, сложившихся в интерпретации социальной динамики. Актуальным стало разработка и уточнение категориального аппарата социальной философии, направленного на описание специфики трансформаций и выявление логики изменений современного социума в условиях глобализации. В этом контексте возникла необходимость так же и в обращении к концепту социальной революции. Стимулируют такую актуализацию проблемы и неожиданные, «странные» революции последних десятилетий в ряде современных цивилизаций (Латинская Америка, Евразия, Ближний Восток).

Необходимо иметь в виду и то, что революции является постоянной для человека темой, ибо связана с решением проблемы установления справедливости и равенства. Вера в возможность создания «земного рая» возникла, вероятно, не позднее веры в «загробный рай», и хотя слово революция и тезис «о праве народа на свержение тирана» появляется только в XVIII в., «поэзия борьбы за свободу», стремления к равенству людей, к воздаянию им по заслугам, присутствует в сознании людей во все времена. Образ «рая на земле» (коммунизма) – идет из глубин подсознания, а достижение этого рая во все времена виделось как радикальный переворот, как победа над корыстью и злобой, как наказание виновных и торжество тех, кто заслужил своим трудом хорошую и свободную жизнь. Именно поэтому тема революции актуальна всегда.

Необходимость выяснения динамики образов революции определяется тем, что дает возможность познать и понять собственную историю, выяснить, чем и как жило общественное сознание последних веков. Сюжет революции, ее позитивный или негативный образ волновал философов и писателей, политиков и социологов, просто обычных граждан. В России для людей старшего поколения, знакомых с понятием революционной ситуации, характерно ожидание и одновременно боязнь революции («русского бунта»). Для таких страхов есть объективные основания, ибо Россия – это страна, переживающая резкое расслоение населения по уровню доходов, возникновение социальных противоречий, люмпенизация населения, всеобщее обнищание масс, рост правового нигилизма и недоверия к власти. Сложилась классическая для революции ситуация: когда верхи проявляют неумение управлять по-новому, а низы нежелание жить по-старому. Проблема революционного изменения существующего положения может стать практически актуальной.

На актуальные, нерешенные вопросы теории революции указал классик социологии и наш современник Пётр Штомпка (1993). Таковыми он считает вопросы: о причинах возникновения революций; о причинах поведения, активности людей во время революций; о причинах и глубине преемственности между различными революциями; о причине несоответствия результатов революций ожиданиям людей; и о предсказуемости революций[1].

Чтобы ответить на такие вопросы, необходимо в первую очередь окинуть взглядом историю революционных и антиреволюционных идей. Посмотреть, как изменялся образ революции во времени, каковы особенности её функционирования в различных идеологиях различных стран. Идеологии имеют свойство в течении многих поколений оставаться мало изменяемыми, мотивируя определенный образ жизни. Прошлое способно войти в настоящее и в определенной степени определять содержание настоящего. При этом, познание идеологических кампаний прошлого – это предпосылка адекватной ориентации в настоящем

Познание социальной революции возможно на основе анализа процесса формирования представлений о феномене, существования образа в контексте различных идеологических кампаний различных социальных сил. Именно анализ движения теоретического образа револю-

ции способен дать представление о ее роли в социальной жизни, историчности и парадигме существования в будущем. В предлагаемой работе сделана попытка отойти от принятых, стереотипных методов исследования революции. В основе анализа – идея познания социального содержания и роли через понимание ее интерпретации в различных идеологических течениях в предреволюционной России.

Глава 1. Феномен революции: социальный и жизненный смысл, роль и функции

Революции в современном значении этого слова впервые произошли в конце XVIII века во Франции и Северной Америке. Более двух веков революционные трансформации или же ожидание революции и одновременно страх перед ней являются фактором, детерминирующим социальные процессы и политическую деятельность, философские и идеологические дискуссии. Феномен революции, вне пространства и времени, где происходят такие процессы, существует, будучи идеальной реальностью, определяющей во многом социально значимые формы деятельности человека и человеческих сообществ.

Первые концепции революции, где рассматривались вопросы о месте революции в социальном прогрессе, о причинах и целях, результатах ее и уроках, возникли вместе с реалиями революционных событий. Создаваемые концепции революции одновременно содержали и понятийно-дедуктивные логические конструкции, и эмпирический событийный материал. Первый слой, как правило, существовал, будучи вплетенным в социально-философские интерпретации жизни человека, составляя один из основных элементов философии истории. Второй слой представлял собой феномен, функционирующий на обыденном уровне общественного сознания, в сфере социальной психологии и мифологии. Этот срез революции и является стимулом и основой массовых движений, социально значимой деятельности.

Классический образ революции сложился в рамках марксистской социальной философии, и мы находим его в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других вождей пролетариата. Собственно, революция ассоциируется с ними. Образ революции, принявший относительно законченные формы в рамках марксистской социальной философии, стал действенным побудительным мотивом для многих миллионов, стал одной из основ тектонических сдвигов в мироустройстве в XX веке. Без адекватной оценки роли и значения идеи и образа революции в последние столетия невозможно адекватно понять прошлое и сегодняшнее человеческой цивилизации. Притягательность революции для масс объясняется тем, что в ней были даны рецепты решения всех основных социальных проблем, обещано достижение высших целей человеческой жизни. Правда, как выяснилось впоследствии, эти проблемы и ценности оказались нерешаемыми или же утопичными в самой постановке.

Главный пафос, вызываемый марксистской идеей революции, обусловлен обещанием свободы, равенства и справедливости, и это должно было стать результатом изменения социальных отношений. Все три понятия содержатся в ценностной структуре человека изначально, и их объединяет смысловое единство. Они обладали и обладают регулятивным потенциалом, и такой феномен имеет глубинные исторические и социокультурные предпосылки. Они находятся в категориальном ряду сознания человека в единстве с категориями добра и зла, долга и совести, морали и нравственности, чести и достоинства, счастья и беды и т. д. В образе революции содержится набор положений ничем не уступающий символу веры ведущих мировых религий. Такими символами и стали понятия свободы на основе уничтожения эксплуатации, создания бесклассового общества, справедливости на базе уничтожения частной собственности, равенства как равенство всех перед всеми. Утверждалось, что в результате революции появится более совершенное общественное устройство и в конечном итоге будет построено идеальное общество, где человек будет освобожден не только от несправедливости, но и от духовного рабства, и от пороков: жадности, ненависти, злобы. Наиболее сильной стороной классического образа революции является провозглашение социальной справедливости как цели развития с указанием конкретных трансформаций. Эта идея является одной из главных социальных ценностей всех известных учений и религий. По существу, основной зада-

чей революции провозглашается создание общества, лишённого социальных противоречий. В марксистской концепции революции были выдвинуты универсальные лозунги, осознаваемые как высшие для судеб человечества. При этом указывалось, что достижение справедливости произойдет через отъём и перераспределение собственности. Но это не вызывало возражений у огромного большинства общества если даже это было сопряжено с насилием и кровью. Более того, большинство общества уверовало, что оно поработано, беспощадно эксплуатируемо и требуется отмщение и наказание.

Завершенность образа революции, созданного в рамках социальной философии марксизма, определяется рядом факторов. Одним из наиболее значимых было определение субъекта, в деятельности которого и будет достигнута свобода, справедливость и равенство. Лейт-мотивом социальной революции стала идея освобождения пролетариата. Но, освобождая себя, пролетариат освобождает и всех трудящихся от любых форм эксплуатации. Достижение целей революции было возможно в результате исторического творчества рабочего класса, совершения пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата. Революция видится главным инструментом этого коренного преобразования социальной действительности. Революция, согласно классикам марксизма, должна созреть в глубинах общества, она является прежде всего объективным процессом и может разразиться на политическом уровне лишь тогда, когда в экономической жизни созреют все ее предпосылки. Содержание революции было определено К. Марксом в Предисловии к «Критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[2]. По отношению к конкретно-исторической, современной им эпохе они указывали: «Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства»[3].

В. И. Ленин в работе «Марксизм и восстание» также отмечает: «Восстание чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих»[4].

Уже по этим коротким цитатам мы можем увидеть, что образ революции в марксизме предстает как образ закономерного и объективного движения истории, созревания в ней предпосылок для качественных изменений. Противоречия экономического развития, обостряясь, побуждают людей к действиям. Объективный фактор провоцирует инициативы субъективного порядка. Революция одновременно закономерна и благородна.

В настоящее время редко можно встретить философскую концепцию, в которой бы отрицалось, что объективной основой революции всегда являются противоречия экономического развития. В то же время дальше этого признания согласие различных философских школ не идет. Каждая концепция начинает абсолютизировать отдельные виды экономических противоречий. Марксисты настаивают на противоречии между ростом производительных сил и отжившими производственными отношениями. Представители теории конвергенции видят причину революций в окостенении основных форм мирового хозяйства и отсутствии обмена между ними, точками роста. Указывается также на противоречие между возросшими потребностями

общества и застоём экономики, между национальными и интернациональными социокультурным тенденциями и так далее.

Как видим, круг факторов оказывается достаточно широк, и в него входят и моменты субъективного порядка. Маркс и Энгельс также учитывали присутствие случайного и субъективного в революционных событиях. Такое понимание стало одним из элементов материалистической трактовки истории. Основным субъектом революции являются массы, люди; влекомые экономическим процессом, они начинают осознавать, к чему способен привести это процесс и какова может быть их собственная роль в изменении социальной ситуации. Революции начинаются в головах людей, а их последствием становится радикальное преобразование всех сторон жизни.

Классический образ революции возникает на основе оригинальных и глубоких социально-философских, концептуальных идей, свидетельствующих о становлении социальной философии. Утверждение идеи революции как образа, который может быть воспринят на уровне массового сознания, происходит в результате её адаптации к особенностям возможного носителя этих идей. Происходит это на основе использования форм изложения, характерного для публицистики, введения многочисленных метафор из различных сфер обыденной жизни или же популярных процессов и событий. Такую работу начинают сами классики революции и в дальнейшем продолжают их последователи. Так, обосновывая место революции в социальном прогрессе как основного движителя, который устраняет основные преграды на этом пути, Маркс называл революции «локомотивами истории»[5]. Другой метафорой, которую использовал Маркс при определении революции, было «крот истории». Словосочетание «крот истории» впервые использовал Гегель для определения некоторой не познанной человеком логики исторических событий. В дальнейшем у Маркса «крот истории» – это революция. Революция роет, подкапывает старый порядок вещей, революция – двигатель прогресса. Революция выступает и «повивальной бабкой» истории, она позволяет появиться на свет подлинной «истории человечества» вместо затянувшейся предыстории. Ф. Энгельс, обосновывая необходимость революции, сравнивал её с рыцарским поединком, он писал: «... В революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы... Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?»[6] Уже в следующую историческую эпоху В. И. Ленин, говоря о необходимости революции, сравнивал её с праздником, писал: «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции»[7]. Созданный образ революции выступает как нечто возвышенное и в то же время необходимое в истории человека; он складывался под влиянием массового порыва людей к свободе и счастью после мрачного периода подавления земных идеалов и интересов в пользу благ небесных. Люди получили реальную возможность вместо обещанных неземных благ завоевать их на Земле, и лучшего для этого средства, чем революция, трудно было придумать. По этой причине большинство осознавших такую «простую» истину стало в один миг революционерами, и напрасно искать причины этого в каких-то международных заговорах или деятельности масонов. Почва для революций оказалась подготовлена, и дело было за тем, кто первый бросит клич и позовет на баррикады. Поэтому образ революции запечатлен в наиболее ярких произведениях искусства, поэзии, музыки, живописи, скульптуры и т. д. И можно утверждать, что действительным автором этого образа явился революционный народ, что надолго определило последующее воплощение революционных идеалов, до тех пор, пока проза жизни не превращала заряженное революционной энергией общество в обывательские слои. Процесс начинался снова, но уже с другими действующими лицами и в других исторических условиях, и продолжается постоянно, вплоть до наших дней.

Но образ революции нёс в себе не только яркий и привлекательный позитив, побуждающий к массовым действиям и коренным преобразованиям общественной жизни, но негатив, который до поры был не проявлен в своём содержании. Таким негативом выступает проблема насилия, крови и страданий, которые сопровождают революцию. Эта сторона революции и стала объективной основой возникновения сознания антиреволюционности, когда признается идея целенаправленных и качественных трансформаций социального организма, но без насилия и крови. Образ революции изначально несет в самой себе свою противоположность, возможность аберрации, когда одновременно появляется новый смысл и сохраняется конечный смысл события, в то же время меняющий его содержание.

Тема насилия, ломки старого мира была важнейшей и острой темой, вокруг которой изначально активно развернулись дискуссии с марксизмом. Марксистскую концепцию революции всегда обвиняли в разрушительстве и сегодня отвергают с утверждением преступного превышения «цены революции». Такая позиция преобладает на Западе в последнее столетие, является доминирующей и в сегодняшней России. В России практически всё негативное в настоящем списывают на неудачное прошлое, объясняют порочностью революции в октябре 1917 года. Этим объясняют и сталинскую политику массовых репрессий, и провалы советской политики; «даже применение средств насилия новыми российскими правителями для сохранения своей власти, а также в борьбе с сепаратизмом, в частности, разгон Верховного Совета в 1993 году и российско-чеченскую войну некоторые идеологи склонны объяснять рудиментами марксистского образа мышления и поведения»[8]. Такая критика изначально сопровождала идею революции на её родине, где она и возникла. При этом в этой болезни преимущественно обвиняли не революцию как таковую, а революцию в марксистском исполнении. Последовательными в этом плане являются и социологи современного Запада[9]. Так, американский политолог Роберт Вальдер указывает, что «язык насилия и террора – это язык марксизма, он создан и привнесён им в политическую практику общества». Другой американец, историк Джеймс Бейлс, пишет: «Идеология и политика революционного экстремизма порождена марксизмом и питается из его идейного источника, гласящего, что сила, а не естественные законы исторической эволюции цивилизации, является решающим и первенствующим фактором». Это же утверждает профессор философии Колумбийского университета А. Фидлер; он пишет: «С возникновением марксизма начался процесс облагораживания насилия как позитивного социального фактора – а именно «повивальной бабки истории». Насилие стало уже не тем, чего следует избегать, не пороком, подлежащим безусловному осуждению, а кульминационным пунктом преобразовательной деятельности людей, позитивной целью классовой борьбы». Таких высказываний можно привести немало, так как подобная точка зрения стала идеологическим штампом, широко распространена на Западе.

В целом соглашаясь с аморальностью революции, с учётом сегодняшнего исторического опыта, необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, это то, что такие оценки даны в совершенно иных условиях, чем те, что были или в период создания образа революции, или же во времена реализации этих идей. Образ революции органически содержал в себе и идею насильственности, которая сопрягалась с идеей воздаяния по делам, с идеей справедливости и равенства. Революции случались только на основе принятия её населением, в том числе принятия и насилия как средства достижения справедливости и свободы.

Так, в России, в начале XX века идеи необходимости революции были доминирующими в общественном сознании. Представители самых разных слоев российского общества демонстрировали положительное отношение к революции. Н. Бердяев писал о том, что для русской интеллигенции идея революции была и религией, и философией[10]. Тема революции была центральной для той эпохи. С. Л. Франк отмечал, что большинство людей из состава «интеллигенции» имело один «смысл жизни» и одну веру – веру в революцию. Они верили, что народ гибнет под гнетом устаревшей и злой власти. Существовавшая власть казалась единственным

источником зла и подлежала уничтожению. Такой революционностью были пропитаны наука, религия, искусство, частная жизнь[11]. Попытки оценивать революцию и саму идею революции с точки зрения сегодняшнего дня, без учета тех конкретно-исторических условий, в которых происходили эти события или же рождались идея и образ революции, по существу бессмысленны. Даже при всем неприятии и революции, и марксизма необходимо учитывать, что и то, и другое возникло не из-за ловкачества и трюкачества кого бы то ни было, а сложились естественно исторически. Во-вторых, заметим, что идея и образ самой революции, возникают задолго до появления марксизма. Образ революции начал формироваться еще в XVIII веке и с самого начала вызывал дискуссии и споры. Классический образ революции и её основные составляющие – это не что иное, как возникшее в лоне европейской цивилизации миропонимание. Первоначально образ революции складывается в основном в западном менталитете в форме свободомыслия, атеизма, человекобожия, и неудивительно, что только потом эти идеи достигли и России. Известный современный французский историк Патрис Генифе на основе анализа феномена революции пришел к выводу, что «...современное представление о революции появилось на свет в бурном 1789 году. Оно построено на вере в ряд факторов: прежде всего, – в безграничные возможности человеческой воли, далее – в силу разума и, наконец, – в бесконечную податливость реального. Воля, поставленная на службу разуму для преобразования реальности, – вот суть современной революции, и именно поэтому на ее пути зияет пропасть, где таятся насилие и террор»[12]. Классический образ революции с некоторыми особенностями был заимствован марксистами из актуального общественного сознания начала XIX века. Само понятие «революция» к современному своему содержанию пришло не вдруг, вначале позднелатинское слово *revolutio* – поворот, переворот – существовало как термин, используемый в астрономии. Он означал закономерное, регулярное вращение звезд, не подверженное изменениям и не зависящее от воли человека. В XVIII столетии, слово «революция» было заимствовано политической философией. Но при этом вначале имело смысл, прямо противоположный современному. Под этим понятием имели в виду возвращение к прошлому состоянию, циклическую смену форм правления[13]. Интересно при этом замечание классика современной политической философии Ханны Арендт о том, что «то обстоятельство, что слово «революция» первоначально означало реставрацию, тогда как для нас оно означает прямо противоположное, – не простая причуда семантики. Революции XVII и XVIII столетий, воспринимаемые нами как манифестации нового духа, духа современной эпохи, были задуманы и планировались как реставрации»[14].

До конца XVIII века преимущественно термин используется для характеристики стабильности и вечности существующих форм государственности, неизменности сословного строя. Революцией при этом называли и деятельность, результатом которой было изменение государственного строя. Но при этом не было речи о прогрессе, о совершенствовании общественной жизни, о создании нового порядка и т. д. Термином «революция» определяется и захват власти (трона), и обратный процесс, когда власть возвращается в прежнее состояние. Такое понимание революции существовало почти два века, параллельно[15]. Так, Екатерина II, готовясь в 1792 году к войне с республиканской Францией, называла «революцией» возврат власти к королю; она писала: «Революция эта, без сомнения, должна состоять не в чем ином, как в восстановлении монархического управления, которое существует со времен прихода франков»[16].

Принятие современного значения понятия «революция» было обусловлено развитием социально-философских идей, рассматривающих общество и его развитие как результат деятельности человека. Создание и распространение идей о договорном характере общества, государства с неизбежностью привели к идеям изменения власти и общества в результате деятельности человека. В общественное сознание была внесена идея прав народа к возврату к основным положениям общественного договора при его нарушении правителями. Впервые

четко было заявлено это в трудах Дж. Локка, где такой процесс он определяет как революцию. Он писал, что такие революции не происходят «при всяком незначительном беспорядке в общественных делах... Но если в результате длинного ряда злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же, народу становится ясно, что здесь имеется определенный умысел, и он не может не чувствовать, что его гнетет, и не видеть, куда он идет, то не приходится удивляться, что народ восстает и пытается передать власть в руки тех, кто может обеспечить ему достижение целей, ради которых первоначально создавалось государство...»[17]. К таким выводам Локк пришел, изложив учение о договорной природе государственной власти, – обоюдных обязательствах властителя и народа – и «естественных правах человека». Необходимо обратить внимание и на то, что совершавшиеся революции рассматривались как закономерный процесс в мировой истории, как начало освобождения от срединного времени. Б. Ф. Поршнев, выдающийся мыслитель России советского времени, писал: «...все великие революционные бури прошлого сами осознавали себя как дело всего человечества, они апеллировали ко всему миру, они уповали на то, что их примеру последуют люди на всей земле»[18]. Формирование идеологемы «революция» в классической форме происходило на основе распространения локковской интерпретации революции.

Следует отметить, что большинство философов эпохи Просвещения придерживалось реформистских взглядов, а революционные мыслители – высказывались по наиболее назревшим проблемам, таким, как деклерикализация общества и государства, светскость образования, свобода политической деятельности и так далее. В философии Ж-Ж. Руссо революция нашла наиболее отчетливое отражение, хотя и в форме абстрактной модели диалектики движения общества от равенства к неравенству, а через него – к новому равенству. В трактате «Об общественном договоре» (1762) он сформулировал свое революционное кредо, побуждающее к революционному действию несколько поколений реформаторов. Примечательно, что в основу справедливого общества Руссо помещает равных, мелких, но самостоятельных собственников. Поскольку, согласно римскому правилу, равные над равными власти не имеют, то в этом обществе власть осуществляется от лица суверена – народа. Но Руссо больше интересовался возможностью единства целого, чем свободой отдельного.

Поэтому «общая воля» должна быть абсолютной, чтобы «получить выражение именно общей воли; в государстве не должно быть ни одного частного сообщества, отвлекающего волю граждан от блага общества»[19]. Для достижения этой цели Руссо изобрел даже специальную «гражданскую религию», которая была призвана заменить все существующие конфессии. Таким образом, революционный эгалитаризм Руссо практически мог привести лишь к либеральной модели общества, в которой содержится презумпция, что в условиях свободного обмена каждый гражданин может стать независимым и богатым, что нашло отклик в ряде современных теорий, таких как народный капитализм, «государства всеобщего благоденствия», «открытого общества» и других. Поэтому последователи внесли существенные коррективы в буржуазный революционизм Руссо, что и произошло в ходе Французской революции, воплотившей сущностные черты социального переворота в образ революции.

Последователи Ж-Ж. Руссо, отталкиваясь от его теории, пришли к взаимоисключающим выводам – либерализму и коммунизму. Представители первого направления общеизвестны, так как они являлись действующими лицами становления буржуазного правопорядка. Второе направление вылилось в различные коммунистические течения утопического и материалистического толка. Объединительным началом для них явилось стремление революционного свержения государства новых собственников – буржуазии – и установление бесклассового общества, то есть коммунизма.

Эпоха буржуазных революций породила революционную идеологию, что в свою очередь сделало революцию предметом научного изучения и политических интерпретаций. Успехи социальных преобразований положили начало теории динамики общественных отношений,

нашедшей отражение в трудах Кондорсе, который сформулировал собственную схему всемирной истории и определил роль и место революции в историческом процессе. «Все говорит нам за то, – писал он, – что мы живем в эпоху всемирных революций человеческого рода... и для того, чтобы счастье, которое эта революция нам обещает ... разве не необходимо изучать в истории прогресса человеческого разума препятствия, которых надлежит опасаться, и средства, которыми нам удастся их преодолевать?»[20]. Кондорсе не создал теорию революции, но несомненна его заслуга в указании, что общественный прогресс подводит к изучению революций. Впрочем, для революционеров того времени не было необходимости в теории революции, так как она рассматривалась ими как возврат к естественному порядку, изначально присущему человеческому обществу. Поэтому теорию революции начинают создавать те, кто выступал против революционных преобразований, желая найти в теории средства, с помощью которых ее можно предотвратить, изменив ее образ в общественном сознании.

Их оппоненты, напротив, подчеркивали, что революция является закономерной формой развития общества и вызвана теми же причинами, что и эволюция. «С того момента, – писал А. Барнав, – как промышленность и торговля начали протекать в народ и создавать новый источник обогащения для трудящегося населения, подготавливается революция в политических учреждениях, новое распределение богатства производит новое распределение власти. Так же, как владение землей возвысило аристократию, промышленная собственность возвышает власть народа»[21]. К такому выводу, он пришел, будучи депутатом Учредительного собрания (1785–1792), хотя сам являлся сторонником свергнутой монархии. В то же время он оказался одним из немногих современников буржуазной революции, раскрывшим ее буржуазный характер, за что Ж. Жорес называл его труды «эскизом исторического материализма». Это дало повод И. Л. Попову – Ленскому отметить: «Радикализм Барнава был направлен не против монархических учреждений как таковых, а в сторону обновления социального строя, переставшего соответствовать новым общественным интересам»[22]. Впрочем, это не позволило ему правильно оценить политическую ситуацию и встать на сторону победоносной буржуазии.

Начало общей теории революции связано с именем философа и политика А. Феррана, автора многих трудов по теории революции. «Основные события революции, – писал он, – могут быть сведены к общим аксиомам, поэтому можно создать теории революции подобно тому, как создана теория законов, потому что революция имеет свои законы». Он выделял революции в природе и обществе, относя к последним крупные социальные катаклизмы в предшествующие эпохи вплоть до Французской революции, рассуждая о революциях Солона и Ликурга, других исторических событиях, которые в строгом смысле революциями не являлись. Первым ввел понятие «социальные революции», отделяя от них религиозные и политические. В этом проявилась его непоследовательность во взглядах на революцию, т. к. под религиозными революциями выступают подчас общественные движения, а политические революции составляют ядро социальных. Тем не менее заслуги А. Феррана, сопоставимые с его эпохой, являются неоспоримыми, т. к. впервые революции стали объектом научного исследования. От этого начинается отсчет теории революции как предмета социальной философии и постепенно формируется образ революции как средства разрешения накопленных противоречий.

Последовательным критиком концепции революции выступил английский философ Э. Берк, чьи взгляды на сущность революции получили широкое распространение в общественном и политическом сознании. Э. Берк, конечно, не был революционером, напротив, он видел свою задачу в противодействии революции, призывая «подготовить людей, которые любят порядок, к сопротивлению этой силе»[23]. Его книга «Размышление о революции во Франции», переведенная на русский язык в 1993 году, в предисловии названа «манифестом контрреволюции». Учитывая реваншистский настрой организаторов политического переворота в России 90-х годов XX века, следует согласиться, что они, верно, поняли антиреволюционный пафос Э. Берка, который был созвучен их реформистским целям. Тем самым образу

революции, устоявшемуся к концу XX века, был нанесен определенный урон, т. к. выяснилось, что противники революции были и в рядах революционной буржуазии XIX века. Следовательно, и тогда революция не являлась общей целью и не имела общей привлекательности, как это рисовалось в философско-политической пассионарной литературе XX века. Общий контекст размышлений Э. Берка сводился к рассуждению о том, что нормальное состояние общества не нуждается в нововведениях, т. к. они приводят не к улучшению, а к ухудшению положения населения страны. При этом главным аргументом Э. Берка являлась, как обычно, ссылка на Провидение и установленный Божественный порядок.

Особое место во взглядах на природу революций занял Гегель, который в целом разделяя взгляды предшествующих консервативных критиков революции, перевел обсуждение вопроса идеального образа революции в область чистого разума и умозрительных рассуждений. Будучи по природе убежденным консерватором, он, тем не менее, увидел во Французской революции не историческую случайность или произвол заговорщиков, а необходимый момент развития истории, направляемый абсолютной идеей. Сделав это признание, Гегель лишь отдал дань объективизму, подвергая в дальнейшем утонченной критике идеи Французской революции. Собственно ошибку Французской революции Гегель видел в том, что она поставила на первый план материальные интересы, а не внутреннее преобразование человеческого духа. Бездуховные цели революции закономерно вели к террору, в результате чего революция сыграла свою роль и закончилась, не сделав французов духовно свободнее. «Дело в том, – писал Гегель, – что принцип, исходящий из того, что оковы могут быть сброшены справа, и добиться свободы без освобождения совести, что революция возможна без реформации, ошибочен. Таким образом, все эти страны вернулись к своему прежнему состоянию»[24]. Эти рассуждения впоследствии стали главным аргументом всех критиков революций и к ее классовой принадлежности.

В целом же философия социального конфликта Гегеля в контексте западноевропейского мышления потеряла свою привлекательность еще в XIX веке, т. к. явилась олицетворением узости догматического мышления. Мысли, понятию права сразу было придано действительное значение, и ветхие подмостки, на которых держалась несправедливость, не смогли устоять. Итак, с мыслью о праве теперь была выработана конституция, и отныне все должно было основываться на ней. «С тех пор, как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него, не было видано, чтобы человек стал на голову, т. е. опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им»[25]. За этим, более эстетическим, чем логическим, высказыванием Гегеля кроется тот простой факт, что он, подобно Анаксагору, утверждал, что истинным творцом теории является мировой разум, который и управляет миром. Поскольку об этом разуме науке ничего неизвестно, постольку его действию можно приписывать любые события и обстоятельства, которые объясняются ходом естественного развития. Гегелю потребовался абсолютный разум для того, чтобы утверждать приоритет идеализма, а не объективность революции, т. к. для него было важным проследить тождество идей, а не логику вещей. Поэтому и причины поражения революции он усматривал в несовершенстве идей, которые должны быть скорректированы более глубоким проникновением в их сущность, хотя способ этого проникновения имел мистический характер.

Гегель был не революционером, а консерватором, который значительную часть своих выводов использовал для укрепления незыблемости Прусской монархии. Но даже при его жизни мало кто разделял эту точку зрения, т. к. революционный процесс в Европе развивался не по Гегелю, а по своим историческим закономерностям. Более предметно это выразил не философ, а политик А. де Токвиль, сформировавший свое мнение о революции как опасном средстве, которого следует избегать, отдавая предпочтение реформам. Причины революции он видел в злонамеренной деятельности свергнутых правительств, т. к. они, а не философы или масоны породили то зло, которое оказалось хуже причиненного бездарной политикой.

Впитав в себя идеи своих предшественников, Маркс и Энгельс создали образ революции, который можно считать «классическим». Анализ истории возникновения и развития философско-теоретических представлений о революции приводит к следующим общим выводам:

1. Создаваемые концепции существовали, будучи вплетенными в социально-философские интерпретации жизни человека, составляя один из основных элементов философии истории и одновременно представляя собой явление, функционирующее на массовом уровне как феномен идеологических кампаний.

2. В реальной общественно-политической жизни сосуществуют целый ряд образов революций, в чем похожих и в то же время альтернативных друг другу. Они отличаются друг от друга историческими особенностями, и более всего, мировоззренческими, философско-теоретическими принципами понимания мира и человека в мире.

3. В то же время формируется образ, ставший базовой моделью революции. Такая модель, ставшая классической, формируется в рамках марксистской социальной философии или же исторического материализма. Её основой является идея деятельности во имя свободы, равенства и справедливости. Все три понятия содержатся в ценностной структуре человека изначально и их объединяет взаимосвязь и смысловое единство. Они обладают регулятивным потенциалом. В марксистской концепции революции были выдвинуты универсальные лозунги, осознаваемые как способ достижения идеала общественного обустройства.

3. Образ революции нёс в себе не только яркий и привлекательный позитив, побуждающий к массовым действиям и коренным преобразованиям общественной жизни, но и свой негатив, который до поры был не проявлен в своём содержании. И лишь первые революции показали её оборотную сторону, в форме насилия, крови и страданий. Это сторона революции вызвала и контрреволюцию и стала предпосылкой антиреволюционности, когда признается необходимость целенаправленных и качественных трансформации социального организма, но без насилия и крови. Образ революции изначально имел внутри самой себя свою противоположность, возможность аберрации, когда появляется новый смысл одновременно и сохраняющая конечный смысл события и в то же время меняющий его содержание.

4. Идея и образ революции, возникает задолго до появления марксизма классический образ революции и её основные постулаты это не что иное, как возникшее в лоне европейской цивилизации миропонимание. Классический образ революции, за некоторыми особенностями, был заимствован марксистами из актуального общественного сознания начала XIX века. Принятие современного значения понятия революция было обусловлено развитием социально-философских идей, рассматривающих общество и его развитие как результат деятельности человека. Эпоха буржуазных революций породила революционную идеологию, что в свою очередь, сделало революцию предметом научного изучения. Революция стала предметом обсуждения задолго до появления марксизма и одновременно с этим начинают существовать и образы революции. Образ революции возник как результат многих дискуссий, трудов и идей ведущих мыслителей, создавших современную западную цивилизацию. В рамках же марксизма он принял относительно завершённую форму, раскрывая основные идеи и смысл революции.

Коротко осветив позиции классического марксизма, показав его предысторию и нынешнее положение «образа революции», посмотрим, как он использовался силами, не имеющими к марксизму никакого отношения или же сознательно противостоящими ему.

Глава 2. Образ революции в идеологии либерализма предреволюционной России

Чтобы понять соотносимость либерализма с революцией, необходимо взглянуть на его идейные истоки. Нас будет интересовать в первую очередь либерализм русский, ибо именно в России вопрос о необходимости или, напротив, недопустимости насильственного переворота, пусть даже вполне назревшего экономически, стоял в начале прошлого века особенно остро. И как теоретическое учение, и как практическая философия либерализм связан с определенной позицией по отношению к революции. Либерализм является продуктом становления и развития западной цивилизации и вырос из европейских революций. Но в последующем он сумел создать механизмы, позволяющие решать возникающие проблемы и противоречия мирными средствами. Либерализм существует и в современности в качестве системы принципов и установок, которые могут лежать в основе программ социально-политических сил. В то же время либерализм – это не просто политическая или экономическая доктрина, а система идей и концепций отношения к миру и человеку в мире. Согласно всем словарям и энциклопедическим определениям, – это политическая и экономическая философия и идеология, выразительно представляющая ведущие идеи Нового времени, обозначающая, как теперь говорят, его главные тренды. Они в изложении А. Дугина таковы: представление о человеческой личности как мере всех вещей; убежденность в святости и непогрешимости частной собственности; утверждение равенства возможностей как ведущего закона общества; уверенность в «договорном» фундаменте всех социально-политических институтов, в том числе государства; элиминация всех государственных, религиозных и сословных авторитетов, претендующих на «единую для всех истину»; разделение властей и создание социальных структур контроля над любыми властными организациями; созидание на месте традиционного государства «гражданского общества», лишённого сословий, наций и религий; абсолютное первенство рыночных отношений, их доминирование над всеми остальными видами экономической политики; уверенность в том, что путь Европы – это универсальная модель развития и прогресса во всем мире, и она должна быть в обязательном порядке взята на вооружение всеми странами и народами[26].

Именно эти принципы стали фундаментом западного либерализма, у истоков которого стояли Кант, Локк, Милль, позже – Бентам, Констан и так до неолибералов XX столетия, представленных именами Фридриха фон Хайека и Карла Поппера. Последователь Локка, Адам Смит, опираясь на воззрения своего учителя, приложенные к анализу хозяйства, заложил основы исторически конкретной науки – политэкономии, ставшей полем острых дискуссий и идейных сражений XIX–XX веков.

Главный пафос либерализма – свобода, понятая, прежде всего, как «свобода от» – от многого, что было выработано в прежние «традиционные» эпохи, и «для» одного единственного – безмерного самоутверждения личности. Бенжамен Констан, который считается основателем французского либерализма XIX века, следующим образом определял основной принцип либеральной социальной философии: «В продолжение сорока лет я защищал один и тот же принцип – свободу во всем: в религии, философии, в литературе, в промышленности, в политике, разумея под свободой торжество личности над властью, желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право подчинения себе меньшинства»[27]. Либералы предложили человечеству освободиться от следующих форм несвободы в общественной жизни:

- государственного контроля над экономикой, политикой, культурой;
- церкви с ее догматическими представлениями;

- всякой и любой сословности;
- общинных форм ведения хозяйства;
- каких бы то ни было попыток общественных или государственных инстанций перераспределять продукты любого вида труда, будь он духовным или материальным; справедливость выступает здесь как порок;
- патриотизма и национальной принадлежности (образ космополита, гражданина мира);
- любой коллективной идентичности.

Русский либерализм, впитав в себя основной пафос этих идей, трансформировал их согласно российским проблемам, но большинство его представителей, исключая крайности анархистского толка, ориентируясь на сюжеты свободы и индивидуальности, тем не менее явили себя как весьма трезвые и практичные люди, не желавшие никаких крупных потрясений для страны. Российский либерализм изначально с большой подозрительностью всматривался в «образ революции», начертанный на знаменах марксизма. Его представители были по духу «либеральными консерваторами» или «консервативными либералами». Такая позиция является одной из особенностей русского либерализма. Либерализм, адекватный своей сущности, в России мог появиться в начале XX века. В то же время для российской теоретической мысли и политической философии характерно распространение либеральных идей задолго до возникновения общественной потребности в таком феномене. Русский дореволюционный либерализм пережил три этапа своего исторического развития. Каждый из них обладал своей спецификой. Первый этап определяют как «правительственный» либерализм, создаваемый и насаждаемый «сверху». Это время царствования Екатерины II и Александра. Этот этап можно назвать либерально-просветительским, т. к. ставка была сделана на просвещенную ограниченную монархию (вспомним проекты М. М. Сперанского). Этап был не слишком удачным для власти, так как завершился декабристским восстанием. Второй этап – это постреформенный либерализм, т. е. консервативный либерализм. В это время появляются политические, социологическими и философские теории (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве). Впоследствии идеи тех лет повлияли на мировоззрение С. Л. Франка, С. Н. Булгакова и других авторов, приверженцев либерального консерватизма. Он вызвал земское, а затем, в конце XIX века, буржуазное либеральное движение. И третий называют «новый» либерализм начала XX века (до революции 1917 года), т. е. социальный либерализм. Он утверждал важность обеспечения каждому гражданину «права на достойное человеческое существование». Он дал начало новому пониманию правового государства и феномену «правового социализма». Для этого типа либерализма характерна борьба как с консервативными, так и леворадикальными силами (Милюков, Новгородцев, Кареев, Кистяковский, Гессен, Ковалевский, Петражицкий и др.). Он подготовил образование либеральной партии кадетов, а впоследствии – ее распад[28].

Вполне можно назвать политико-социологические и философско-правовые идеи либерализма первого этапа «официальным либерализмом» Второй этап – гораздо более «правый» по сравнению со своим классическим предшественником (тесное взаимовлияние идей либерализма и консерватизма), а третий этап – самый «левый» вариант (едва ли не слияние классического либерализма с целым рядом социалистических и социал-демократических идей), если, конечно, сравнивать его с исходным «парадигмальным» экономическим и политическим либерализмом.

Каждое перечисленное течение русского либерализма имело свою специфику и значительные отклонения от западноевропейского образца, собственную логику развития, связанную с конкретикой российской истории и отечественной философско-социологической мысли. Представители каждого течения имели различные концептуальные основания для своих теоретических взглядов и индивидуальное видение общественного и политического идеалов. Они по-разному рассматривали статус личности и социально-политических институтов. Они были сторонниками различных путей преобразования общества, связанных с реформами и эволю-

ционистскими методологическими представлениями в отношении жизни социума. Наивысшего развития русский либерализм достигает в 60-80-х годах XIX и в начале века XX. Именно в эту пору представители либерального консерватизма и «нового» (в духе времени) либерализма выдвинули и развили наиболее ценные и оригинальные социально-политические идеи, которые успешно вписались в целостную картину классического либерализма и внесли в нее новые краски.

Либеральный консерватизм как вид социально-политической ориентации, как одна из альтернатив путей развития России стремился к осуществлению в стране реформ, а не революций. Представляющие его авторы работали в период после убийства Александра II, когда его «великие реформы» были осуществлены лишь частично. Сущность либерального консерватизма – соединение в целостность главных идей западного либерализма (свободы и права личности, путь безреволюционных изменений) и любого типа консерватизма (сильная власть, стабильность, религиозные и нравственные традиции, преемственность, порядок). Либеральный консерватизм хотел «золотой середины». Он желал соединить самоценность индивидуальной свободы с ценностями общегосударственного и общенационального порядка. Ему нужны были прежде всего порядок и стабильность, которые обязаны обеспечивать власть. Теоретики либерального консерватизма подошли к идее необходимости качественного изменения образа жизни социума; по существу, это признание необходимости революционных изменений, и в то же время они хотели сильной власти, порядка. Такая непоследовательность стала одной из основ отсутствия социальной поддержки либерализма, и она отражала незрелость русской буржуазии не готовой взять на себя ответственность за судьбы страны. Эта черта русского либерализма проявилась и в начале 90-х годов XX века, когда к власти пришли лица, декларирующие либеральные ценности, и провели катастрофические реформы без учета состояния общества и дискредитировали идеи либерализма.

Авторы направления либерального консерватизма старались уклониться от радикальности как либерализма, так и консерватизма (прежде всего от крайностей, свойственных левым либералам, от того, что называют «верхоглядным» прогрессизмом). Они намеревались противостоять «отщепенству», отрицавшему религию и государство (П. Б. Струве), «нигилистическим взглядам» (С. Л. Франк) и «героизму, который обожествляет себя» (С. Н. Булгаков). Им не нравились экстремистские мотивы в воззрениях русской интеллигенции, не способной освободить народ ни до Первой русской революции, ни после нее. Так, например, К. Д. Кавелин предложил концептуальный подход консервативного либерализма, исходя из обстоятельств и традиционных особенностей отечественной истории, которые основаны на «общинно-хоровом начале».

Его ученик, крупнейший философ права Б. Н. Чичерин (1828–1904) разработал уже солидные концептуальные основы «охранительного» (консервативного либерализма). Он рассмотрел, что такое «охранительные начала» для России с учетом ее монархического строя, сословности, особого сочетания права, закона и свободы в российском обществе. Б. Н. Чичерин впервые в российской интеллектуальной истории предложил типологию русского либерализма. Он очертил ведущие его направления, проявляющие себя в общественном мнении, выделил три их вида и дал им точную социальную характеристику, которая актуальна и сегодня может быть интересна и значима:

1) «Уличный» либерализм, либерализм толпы. Здесь наблюдается склонность к скандалам, политическое хулиганство. Для подобного рода либералов не характерна терпимость и уважение к чужим мнениям. Они любят любоваться собой, упиваются своими эмоциями;

2) «Оппозиционный» либерализм, присущий любым реформаторам. Здесь присутствует разнообразное обличение власти, поиск ее ошибок, в том числе и мнимых. Этот либерализм наслаждается блеском своей оппозиционности, критикует ради самой критики, стремится

«отменить, уничтожить наличное». Свобода понимается либералами такого толка с «чисто отрицательной стороны»;

3) «Охранительный» либерализм. Он несет позитивный смысл, поскольку ориентирован на реформы. Это реформы с учетом интересов всех социальных слоев. Они предполагают взаимные уступки, компромиссы при реализации своих интересов. Такой либерализм опирается на сильную власть, он подвигает общество к последовательному логичному развитию.

«Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть, – либеральные меры... обеспечивающие права граждан... – сильная власть, блюстительница государственного единства... охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»[29].

Платформой консервативного либерализма Б. Н. Чичерина является его анализ соотношения понятий свободы, власти и закона. Он ищет «гармоническое соглашение духовных основ общества», то есть свободной и разумной личности и различных «общественных взаимодействий». Для него это: семья, гражданское общество, церковь и государство. Согласно Б. Н. Чичерину личность – это главное начало всех общественных отношений. Сущность человека в его свободе. Одна сторона свободы – нравственность, которая трактуется как внутренняя свобода, в связи с чем совесть понимается как самое «свободное, что существует в мире». Другая сторона – право (выступающее как внешняя свобода). Свобода воли в понимании Б. Н. Чичерина не может существовать без нравственного закона. В свою очередь, закон составляет со свободой противоположность: где отсутствует свобода, там не существует субъективное право, а где отсутствует закон, там не найти объективного права.

Личная свобода должна быть ограничена свободой других людей, она с необходимостью подчиняется юридическому закону и повинуется власти. Именно поэтому «власть и свобода... также нераздельны, как нераздельны свобода и нравственный закон». Власть предназначена к тому, чтобы охранять закон и ограничивать свободу, а право «есть свобода, определенная законом», правом определяется свобода внешняя. Государство же есть высшая форма общежития – союз, господствующий над всеми другими союзами, ибо все элементы человеческого общежития сочетаются в государстве, как в союзе[30].

Как видим, позиции Чичерина далеки от революционности, образ революции, каким бы он ни был, не представляется ему привлекательным, поскольку государственность, ее сохранение и упрочение выступает для него первой задачей. С его позиций – позиций «охранительного» или консервативного либерализма – всякий гражданин, не раболепствуя перед властью имущими, ради собственной свободы должен уважать саму суть государственной власти. Для «охранительного» либерализма Б. Н. Чичерина, базирующегося на взаимодействии главных начал человеческого общества – свободе, власти и законе – именно гармоническое единство этих важных составных предполагает, в свою очередь, единство общества и народа. Лучше всего, по мнению Чичерина, это достигается при наличии такой формы правления, как конституционная монархия. Такая монархия – политический идеал Чичерина, он безраздельно отдавал ему предпочтение. Чем же хорош монарх для социолога либерального толка? Почему никакие революции, свергающие царя, не приемлемы?

Чичерин так характеризует плюсы сохранения монархизма, ограниченного конституцией:

1) Монарх выступает представителем интересов целого (общества). Он находится выше «горизонтальных» и «вертикальных» разделений: сословия и партии находятся перед ним, поэтому он является «примирителем» противоположных групп и интересов, в частности, народа и дворянства. Монарх – это первое начало власти, в то время как аристократическое

собрание – начало закона. Что касается представителей народа, то они являют собой начало свободы;

2) монархическая власть, считает Чичерин, всегда играла важнейшую роль в истории России, и еще в течение столетий она будет высшим символом ее единства, а также знаменем для народа.

Б. Н. Чичерин не одинок в игнорировании революционных идей, их неприятию. Другой теоретик отечественного либерального консерватизма П. Б. Струве (1870–1944) – экономист, социолог, как нам известно, просто ушел от марксизма, которым увлекался в юности, к либерализму, а затем либеральному консерватизму. В методологическом отношении для уяснения сущности либерального сегодня для нас важен и интересен осуществленный Струве анализ понятия консерватизма. Это понятие, по его мнению, «есть чисто формальное понятие, могущее вмещать в себя какое угодно содержание»; главное для его осмысления – «прикрепление» идеи охранения к конкретному содержанию[31]. Так, либеральный консерватизм означает утверждение неотъемлемых прав лица, т. е. прикрепление идеи охранения (консервации) к правам личности. Демократический консерватизм есть применение этой идеи к народовластию.

П. Б. Струве не принимает «официальный консерватизм», который называет консервативной казенщиной; он одобряет консерватизм лишь как культурно-исторический идеал, как «консервативную романтику». Она означает для него «почвенность», возведенную в принцип, а также «почитание отцов». Он возводит все это к творчеству славянофилов, а значит, к нравственным, религиозным и культурным традициям народа.

Струве заявляет о себе как о «национальном либерале», отнюдь не революционном интернационалисте. Он говорит, что он – западник и потому – националист. И государственный он тоже потому, что является западником. Эта установка на «национальный либерализм» дополняется у Струве «духом национального европеизма». Как западник, Струве не ищет «особого русского пути» – революционного или какого-то иного. Он хочет идти за Европой, а путь Европы – это путь реформ.

Бросив взгляд на либеральные идеи России начала века, колеблющиеся между либерализмом и консерватизмом, посмотрим, как соотносились с практической политической жизнью, с реально готовившимся «делом революции» те политические силы, которые участвовали в реальной борьбе, исходя из либеральных идей. Хотя буржуазия в период революции 1905–1907 годов уже обозначила себя как политическая сила и далее все более сплачивалась в класс, все же ее политическая способность к действиям в немалой степени отставала от экономических возможностей. В экономике ее положение упрочивалось, а ее политическая власть была еще слаба.

В чем же причина такой дисгармонии? Все те причины, которые определяли аполитичность буржуазии в первоначальный период ее восхождения, продолжали существовать и в начале XX века. Несмотря на рост экономической мощи, буржуазия, как и прежде, в немалой мере зависела от монархии политически и экономически. Позднее в сравнении с Европой ее экономическое и политическое рождение делало неконкурентоспособной как на внешних, так и на внутренних рынках. Ей были необходимы покровительственные пошлины, политика, которая насаждала бы промышленность «сверху», нужен был альянс с царским правительством. Именно поэтому буржуазия лишь постепенно складывалась в класс, предпочитала своим общим интересам – групповые, политике проективной – политику сегодняшнего дня, сиюминутной прагматики. Процесс «организации ее в класс», отмеченный Лениным, так и не состоялся вплоть до февраля 1917 года.

Крупные социально-философские мыслители того времени, такие как князь Е. Н. Трубецкой, М. М. Федоров, П. Б. Струве были, по существу, выразителями интересов этой все еще не консолидированной буржуазии. Они создавали органы печати, заботились о ее полити-

ческом воспитании, призывали больше не заискивать перед чиновной бюрократией, превратиться наконец в класс, имеющий чувство собственного достоинства. Они звали буржуазию осознать свою силу и ту роль, которую предназначила ей история, – роль законной социальной группы, которая с успехом заменит вырождающееся дворянство. Так, Федоров руководил газетой «Слово». Она из номера в номер призывала буржуазию переходить в оппозицию. В этом случае она может проиграть, только если временно утратит покровительство власти. Тогда ей будет нелегко добиваться подачек от власть имущих. Но времена все-таки переменялись, и «сознание, что на таких подачках уже далеко не уедешь, делает успехи»[32].

В любом случае политическому единению буржуазия по-прежнему предпочитала единение «классовое», т. е. объединение по групповым интересам во всевозможных экономических биржевых комитетах, в отраслевых союзах и других организациях капитала. Она объединялась в том, что касалось политики, непосредственно связанной с ее финансовыми и торгово-промышленными интересами. Буржуазию гораздо больше тревожили вопросы о каком-нибудь металлургическом тресте, чем об изменении бюджетных прав Думы. А ведь именно этого пытались добиться думское либерально-кадетское большинство.

Невнимание к «чистой» политике привело к ситуации, при которой буржуазия не считала «своими» партии октябристов (правое крыло либерализма!) и кадетов, появившиеся в ходе революции 1905–1907 годов. К кадетам она относилась скверно, считая их партией лишенных почвы интеллигентов-болтунов, далеких от реальной жизни. Они виделись представителям буржуазии людьми, которые опасно заигрывают с народными массами. В последнее десятилетие существования царизма за кадетской партией реально не стояла ни одна группировка буржуазии. Это была в первую очередь партия интеллигентов, весьма немногочисленная и замкнутая в себе.

Что касается западноевропейского либерализма, то он к этому времени находился в состоянии непримиримой вражды по отношению к социалистическому и рабочему движению. Но русский либерализм, отставая в политическом развитии от рабочего класса, который уже имел свою партию, вынужден был разыгрывать дружбу и изображать из себя поборника «настоящих», т. е. чисто экономических интересов рабочего класса. Этим он к тому же пытался отвести рабочих от «утопических» (социалистических) увлечений, которыми их соблазняют молодые и политически незрелые российские социал-демократы, жаждущие революционных перемен. Возможно, объясняли либералы, со временем социал-демократы поумнеют, поймут, что «копейка на рубль» важнее революций, и станут такой же политически мощной силой, как социал-демократия в Германии. Чтобы добиться лидерства ликвидаторства (оппортунистического направления в РСДРП, отрицающего роль революции), кадеты активно старались «примирить» во имя фиктивного «единства» ликвидаторскую и большевистскую части фракции в IV Думе. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что это будет «единство» мнимое. На самом деле оно лишь обеспечит победу самих кадетов в пролетарском движении.

Ленин, отмечая разницу в отношении старых, европейских и новых, российских либералов к социал-демократии писал: «Бессильные помешать возникновению и росту социал-демократии, наши либеральные буржуа всю заботу направили на то, чтобы она росла по-либеральному. Отсюда – многолетние и систематические стремления наших кадетов поддержать оппортунизм (и особенно ликвидаторство) в рядах социал-демократии; в такой поддержке либералы правильно видят единственное средство отстоять либеральное влияние на пролетариат, провести зависимость рабочего класса»[33]. Поскольку речь зашла о кадетях (конституционных демократах), необходимо напомнить, что они представляли собой правомонархическое крыло либерализма. Главной их идейной линией было недвусмысленное и решительное отвержение революции. Кадеты противопоставляли ей путь «конституционного», бескровного развития России. Они призывали «овладеть революционной стихией», поместить ее в рамки «закономерной социальной реформы», которую должна осуществить либеральная буржуазия.

Кадеты-интеллигенты были привержены, конечно, не отдельным капиталистам, а буржуазно-рыночному строю; они не ждали вознаграждения, ибо верили в проповедуемые ими антиреволюционные идеи. Их «образ революции» был порожден страхом перед предполагаемыми грядущими разрушениями общества и культуры. Этот страх обуславливался их доктриной, сложившимися убеждениями. Кадеты считали, что революция отразится на интересах страны самым отрицательным образом, и чем будет мощнее, «народнее» она будет, тем результат ее будет плачевнее. Опыт Запада, писали они, демонстрирует, что после своей победы революция не становится тихим и беззловным преобразованием социума, а делается еще страшнее, сея жестокость. Очень тяжелы последствия разрушения государства, гражданские войны, страсти и столкновения, существенное понижение уровня культуры населения. Революция грозит большим уроном, который будет нанесен интеллектуальной элите страны. А главное то, что революция, в случае своей победы, обязательно сменится реакцией, движением вспять. Примеры тому – Кромвель, Термидор, Наполеон I, Наполеон III... Есть иной путь преобразований – реформы: издержки минимальные, а конечный итог куда более благоприятный.

Кадеты отстаивали тезис, что в условиях России с ее малокультурным угнетенным народом, накопившим за столетия угнетения слепую неудержимую ненависть, со многими ее народами, далекими окраинами, центробежными тенденциями, при малочисленности и слабости ее культурного слоя (той интеллигенции, которую народ отождествляет с барином и чиновником), революция может дать только печальный результат – разрушение российского государства, созидание и упрочение которого стоило стольких жертв русскому народу. Опыт последующей истории, которую, конечно, бессмысленно судить и осуждать, показал, что в чем-то «правые либералы» были провидцами, хотя, несомненно, не во всем.

Следует отметить, что кадетская партия со своими лозунгами не добилась в предреволюционный период влияния на рабочее движение. В конечном счете, слово «кадет» стало для рабочих, приверженных социал-демократии, почти ругательством... Это был удивительный итог, какого не ведает ни одна буржуазная партия в развитом рыночном обществе.

Описанные нами взгляды консервативных русских либералов начала XX века вполне могут быть охвачены термином «антиреволюция», ибо лик революции виделся им «пугачевщиной», русским бунтом, «бессмысленным и беспощадным». Выводы:

1. Либерализм это одно из ведущих направлений политической и экономической философии и идеологии, системно и последовательно представившее базовые идеи социального обустройства в Новое Время. Либерализм изначально возник и существовал как воплощение модерна, отрицающего в целостной форме онтологию традиционного общества. Сюда относят: представление о человеческой личности как мере всех вещей; убежденность в святости и непогрешимости частной собственности; утверждение равенства возможностей как ведущего закона общества; уверенность в «договорном» фундаменте всех социально-политических институтов, в том числе государства; разделение властей и создание социальных структур контроля над любыми властными организациями; созидание на месте традиционного государства «гражданского общества», лишённого сословий, наций и религий; уверенность в том, что путь Европы – это, универсальная модель развития и прогресса во всем мире, и она должна быть в обязательном порядке взята на вооружение всеми странами и народами.

2. Либерализм, адекватный своей сущности, в России мог появиться лишь в начале XX века. В то же время для российской теоретической мысли и политической философии характерно распространение либеральных идей задолго до возникновения общественной потребности в таком феномене. Наивысшего развития русский либерализм достигает в 60-80-х годах XIX и в начале века XX. Российский либерализм изначально с неприятием относился к «образу революции», распространяемому социал-демократами. По духу они были или «консервативными либералами», или «либеральными консерваторами», не предполагающими никаких силовых акций по свержению власти. Сущность консервативного либерализма

– соединение в целостность главных идей западного либерализма (свободы и права личности, путь безреволюционных изменений) и любого типа консерватизма (сильная власть, стабильность, религиозные и нравственные традиции, преемственность, порядок). Русские либералы желали соединить самоценность индивидуальной свободы с ценностями общегосударственного и общенационального порядка. Они подошли к идее необходимости качественного изменения образа жизни социума; по существу, это признание необходимости революционных изменений, и в то же время хотели сильной власти, порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.